

К. С. Станиславский и Л. Н. Толстой

К первой годовщине со дня смерти К. С. Станиславского

При имени К. С. Станиславского на память приходит всякий раз его книга «Моя жизнь в искусстве». — эта изумительная повесть о красивой и благородной жизни художника, полной упорного труда и высокого вдохновения, о многочисленных и незабываемых встречах с великими русскими художниками слова — Толстым, Чеховым, Горьким...

Первая встреча К. С. Станиславского с Л. Н. Толстым произошла в Туле, в 1893 году, в гостеприимном доме Н. В. Давыдова, близкого друга Льва Николаевича. Здесь происходили тогда репетиции и другие приготовления к гастролям кружка Общества любителей искусства и литературы, ставившего несколько спектаклей в Туле. Сюда же пешком пришел из Ясной Поляны Толстой в крестьянском тулупе, валенках и серой блузе, подпоясанный ремнем.

«Нежный, мягкий, спокойный, старческий приветливый и добрый», с глазами, которые «пронизывали душу и точно зондировали ее», — таково первое впечатление, сохранившееся у К. С. Станиславского от встречи с Толстым.

Неожиданное знакомство с великим писателем привело Константина Сергеевича в состояние какого-то оцепенения. С неподражаемой простотой и искренностью вспоминал Станиславский о своем смущении, когда очутился вдруг рядом с Толстым за обеденным столом, о своем позорном «провале», когда Л. Н. заговорил с ним и, пожалев узнать пьесу, которую кружок любителей играл в Туле (ставилась пьеса Островского «Последняя жертва»). — Ив. Ф.), попросил передать ее содержание, а Константин Сергеевич... не будучи в состоянии сосредоточиться, чтобы понять Толстого, «как ученик, проваливающийся на экзамене, не мог найти ни одного слова, чтобы начать рассказ», — замер «и лишь исподтишка виновато осмеливался смотреть на великого человека».

Совсем иной характер приняла беседа, когда речь зашла о театре, о пьесах. К. С. Станиславский почувствовал вдруг искреннее желание похвалиться перед Львом Николаевичем тем, что «мы (молодая любительская труппа. — Ив. Ф.) впервые в Москве играли его «Плоды просвещения». А похвалиться, действительно, было чем, ведь «Плоды просвещения» были дебютом не только К. С. Станиславского, но и В. Ф. Комиссаржевской.

«Плоды просвещения» только что появились тогда в печати, сразу заинтересовали членов Общества любителей искусства и литературы, из которого впоследствии образовалось ядро Московского Художественного театра. Константин Сергеевич — один из наиболее активных и деятельных сочленов Общества — тогда же просил поручить ему постановку этого спектакля (вообще же режиссировал почти все спектакли Общества А. Федотов). Согласие на это было дано.

Приступили к репетициям, которые происходили в помещении Немецкого клуба. Репетировали долго и энергично. Ансамбль составил на редкость удачный: Звездинцев — К. С. Станиславский, Звездинцева — М. Ф. Самарова, Бетси — В. Ф. Комиссаржевская, Тая — М. П. Лилина, Вово — Третьяков, Коко — Лукутин, 1-й мужик — А. А. Федотов, 2-й мужик — В. В. Лужский и другие.

«Все исполнено, — по свидетельству В. В. Лужского, одного из участников этого спектакля, а затем одного из лучших представителей старшего поколения МХАТ, — прекрасно справились со своими ролями» согласно указаний Константина Сергеевича. Роль Бетси исполняла Вера Федоровна. Это был первый крупным сценическим опытом Веры Федоровны, который побудил ее всецело посвящать себя сцене. Многим обязана талантливая артистка Станиславскому: он много занимался с ней, отделявая совместно с Верой Федоровной мельчайшие детали пьесы.

Еще большее значение имел спектакль для самого К. С. Станиславского. Постановка им пьесы Толстого была, по свидетельству В. В. Лужского, первым пробным публичным режиссерским опытом. До того времени он реласал выступать в качестве самостоятельного руководителя только в домашних и любительских спектаклях. Здесь, в этой постановке, впервые

сказалось режиссерское чутье Станиславского, его понимание замысла автора, психологии действующих лиц.

Постановка «Плодов просвещения» была одним из первых проявлений его упорного труда и энергии, его любви к театральному делу, и потому так естественно было желание Станиславского видеть на этом спектакле самого автора — Л. Н. Толстого.

Найденные в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, впервые публикуемые нами здесь письма Станиславского к Л. Н. Толстому как нельзя лучше подтверждают это. Так, в письме от 21 января 1891 г. К. С. Станиславский пишет Толстому в Ясную Поляну:

«Милостивый государь! Пользуясь Вашим словесным разрешением на постановку Вашей пьесы «Плоды просвещения», — члены Общества Искусства и Литературы, выражая Вам свою признательность, считают приятным для себя долгом довести до Вашего сведения, что 8, 11 и 15 февраля сего года, в помещении Немецкого клуба (Софийка, дом Захарьина) состоятся три спектакля с благотворительной целью. В этих спектаклях членами Общества Искусства и Литературы исполнена будет Ваша пьеса «Плоды просвещения».

Ваше присутствие на означенных спектаклях доставило бы большую честь устроителям и исполнителям их — и мы позволяем себе надеяться на то, что в случае Вашего приезда в Москву, Вы не лишите одного из наших спектаклей своего посещения.

С истинным и глубоким почтением
Директор Правления К. Алексеев.

Ни на одном из спектаклей «Плодов просвещения» Л. Н. Толстой, однако, не был. Мог ли он догадаться о том, какой великолепный ансамбль долго и любовно работал над его пьесой? Да и сам Толстой не придавал, очевидно, особого значения своей пьесе: «Очень скучно — комедия плоха, дребедень», — писал он в своем дневнике от 13 апреля 1890 г.

Не удосужился Лев Николаевич побывать и на других спектаклях Общества любителей искусства и литературы, несмотря на настойчивое желание К. С. Станиславского.

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич! Спешное дело лишает меня возможности, — писал Станиславский Толстому 1 января 1896 года в Москву, в Хамовники, — выполнить свое намерение — завести Вам билеты на завтрашний спектакль. Беру на себя смелость приложить их к настоящему письму и остаться в приятной надежде: видеть Вас и Ваше уважаемое семейство на спектакле Общества Любителей Искусства и Литературы, 31 января 96 года, в помещении Охотничьего Клуба (Воздвиженка, д. гр. Шереметева).

С совершенным и глубоким почтением К. Алексеев.

Прошло несколько лет. Новая встреча с Толстым произошла у К. С. Станиславского уже после постановки «Власти тьмы», шедшей по всей России.

Встретились они в московском доме Толстого в Хамовниках, когда сам Лев Николаевич пожелал повидаться с К. С. Станиславским, о чем известил его запиской через одного из друзей. Неудовлетворенный спектаклями и пьесой «Власть тьмы», он просил Станиславского напомнить, как тот хотел переделать 4-й акт пьесы.

Об отношении руководителей Художественного театра к Толстому в дальнейшем говорят приветствия, посылаемые писателю от Художественного театра. Вот приветствие, посланное 21 февраля 1900 г.:

«Во время последней дружеской беседы труженники Художественного общедоступного театра, по окончании сезона мы не могли не вспомнить те вечера, когда театр был осклавлен присутствием величайшего мирового писателя. От лица всех артистов шлем Вам привет от всего сердца.

Алексеев, Немирович-Данченко.

Такова страничка из истории взаимоотношений и переписки двух великих русских художников — Станиславского и Толстого.

ИВ. ФЕДОРОВ